

ГЛАВА 1

Полицейский выбрался из своей машины ровно за четыре минуты до того, как был убит. Он двигался так, словно наперед знал свою судьбу. С трудом открыв дверь, полицейский медленно развернулся на протертом кожаменителе сиденья и поставил обе ноги на асфальт. Затем ухватился руками за дверной проем и грузно поднялся. Постояв мгновение на прохладном свежем воздухе, полицейский развернулся и захлопнул дверь. Постоял еще мгновение. Потом шагнул вперед и облокотился на капот у фары.

У него был семилетний «шевроле-каприс». Черный, без каких-либо указаний на принадлежность к полиции. Но над крышей торчали три антенны, а на колесах сверкали хромированные колпаки. Большинство полицейских клянутся и божатся, что лучше «каприса» полицейской машины нет. И этот тип, казалось, придерживался того же мнения. Он был похож на ветерана, вольного выбирать себе любой агрегат с двигателем и на колесах. И на этом древнем «шеви» он ездил потому, что ему так нравилось. Потому что новые «форды» его не интересовали. По его манере держаться я понял, что это упрямый любитель старины. Широкоплечий, грузный, в простом темном костюме из плотной шерсти. Высокорослый, но сутулый. В годах.

Покрутив головой, полицейский посмотрел вдоль шоссе на север и на юг, а затем, вытянув толстую шею, оглянулся на ворота колледжа. Нас с ним разделяло ярдов тридцать.

Ворота колледжа представляли собой чистую формальность, предназначенную исключительно для церемоний. Из обширной ухоженной лужайки за дорогой просто поднимались два высоких кирпичных столба. Столбы соединяли высокие двустворчатые ворота, сделанные из согнутых и переплетенных в причудливой форме стальных прутьев. Ворота сверкали черной краской. Казалось, их покрасили только что. Вероятно, их красили после каждой зимы. Но они не несли никакой охранной функции. Кто хотел, мог проехать мимо ворот прямо через лужайку. Впрочем, они все равно были распахнуты настежь. За воротами начиналась дорожка, по обе стороны которой в восьми футах от столбов стояли маленькие чугунные кнехты. С защелками. К кнехтам были прикреплены створки ворот. Распахнутые настежь. Дорожка вела к группе невысоких кирпичных строений, до которых было ярдов сто. Остроконечные крыши покрыты мхом, строения теряются в тени деревьев. Дорожка тоже обсажена деревьями. Деревья были повсюду. Листья только начинали распускаться. Они были крошечные и скрученные, ярко-зеленые. Шесть месяцев спустя они станут большими, золотистыми и красными, и здесь все будет кишеть фотографами, спешащими увековечить пейзаж для рекламных проспектов колледжа.

В двадцати ярдах за полицейским и его машиной у ворот на противоположной стороне дороги стоял пикап. Стоял у самой обочины. Передом ко мне, ярдах

в пятидесяти. Пикап здесь казался не к месту. Выцветшего красного цвета, с могучим кенгурятником на бампере. Тусклый черный кенгурятник, похоже, несколько раз гнули, а затем выпрямляли. В кабине фургона сидели двое. Молодые, высокие, чисто выбритые, светловолосые. Они просто сидели, совершенно неподвижно, уставившись прямо перед собой. Парни не смотрели на полицейского. Не смотрели на меня.

Я собирался ехать на юг. У меня был непримечательный коричневый фургон. Я поставил его перед музыкальным магазинчиком. Магазинчик был из тех, какие можно встретить у ворот колледжа. На стеллажах, выставленных на тротуар, лежали подержанные компакт-диски; в витринах красовались плакаты групп, о которых никто не слышал. Задние двери фургона были открыты. В салоне лежали коробки. В руках я держал ворох бумаг. Я был в плаще, потому что стояло прохладное апрельское утро. Я был в перчатках, потому что разорванные коробки оцетинились выпавшими скрепками. Я был при оружии, потому что частенько ношу с собой пистолет. Он был засунут за пояс, сзади, под плащом, «кольт-анаконда», большой револьвер из нержавеющей стали под патрон 44-го калибра «магнум». Револьвер имел в длину тринадцать с половиной дюймов и весил почти четыре фунта. Оружие как раз по мне. Он был твердый, тяжелый и холодный, и я постоянно его чувствовал.

Услышав, как завелся двигатель пикапа, я оторвался от бумаг. Машина не тронулась с места. Она стояла неподвижно, а двигатель работал на холостых оборотах. Между задними колесами вился белыми колеч-

ками выхлопной дым. Воздух был холодным. Час был ранний, и улица оставалась пустынной. Обойдя свой фургон, я взглянул за музыкальный магазинчик в сторону зданий колледжа. Увидел перед одним из них черный «линкольн-таун-кар». Рядом с машиной стояли двое. От меня до них было ярдов сто. Ни один из них не производил впечатления водителя. Водители лимузинов не ходят парами, не бывают молодыми и мускулистыми, не ведут себя настороженно. Эти ребята определенно были телохранителями.

Здание, перед которым стоял «линкольн», вероятно, было чем-то вроде общежития. Над массивной деревянной дверью надпись по-гречески. Дверь распахнулась, и появился очень худой парень. Судя по всему, студент. У него были длинные спутанные волосы, одет он был как бездомный бродяга, но в руке держал портфель из дорогой блестящей кожи. Один из телохранителей вытянулся в струнку, а другой открыл заднюю дверь лимузина. Бросив портфель на сиденье, парень скользнул в машину. Телохранители задержались, оглядываясь по сторонам, а затем сели вперед, и лимузин тронулся. Вслед за ним медленно потащился автомобиль службы охраны колледжа — держась на расстоянии тридцати ярдов, вроде бы и не сопровождающий лимузин, а просто случайно оказавшийся рядом. В машине сидели развалившись двое полицейских. Замученных бездельем, умирающих от скуки.

Сняв перчатки, я бросил их в кузов фургона. Шагнул на дорогу, чтобы было лучше видно. «Линкольн» неторопливо приближался. Черный, сверкающий, безукоризненный. Обилие хрома. Обилие полировки. Машина с охранниками колледжа держалась позади.

Проехав в церемониальные ворота, лимузин повернул налево и поехал на юг, в направлении черного полицейского «каприса». В направлении меня.

То, что произошло дальше, заняло восемь секунд, однако показалось мне одним мгновением.

Блеклый красный пикап оторвался от обочины. Резко набрал скорость. Нагнал «линкольн» как раз тогда, когда тот поравнялся с «каприсом». Проехал в футе от коленей полицейского. Затем чуть вырвался вперед, водитель выкрутил руль, и кенгурятник углом врезался в передний бампер «линкольна». Водитель пикапа продолжал крутить руль, выталкивая лимузин на обочину. Съехав на газон, «линкольн» сбавил скорость и налетел на дерево. Послышался треск гнущегося и разрывающегося металла, разлетелось вдребезги стекло фары, над капотом поднялось облако белого пара, и крохотные распускающиеся листочки шумно затрепетали в неподвижном утреннем воздухе.

Тут двое из пикапа открыли огонь. У них были черные пистолеты-пулеметы, и они стреляли по «линкольну». Грохот стоял оглушительный; на черную крышу лимузина хлынул дождь латунных гильз. Затем нападавшие бросились к дверям «линкольна». Распахнули их. Один, нагнувшись, нырнул в салон и вытащил паренька. Другой продолжал стрелять по передним сиденьям. Потом сунул левую руку в карман и достал гранату. Швырнул ее в машину, захлопнул двери и, схватив своего дружка и паренька за плечи, заставил их пригнуться. В салоне «линкольна» сверкнула яркая вспышка. Прогремел взрыв. Все шесть окон разлетелись вдребезги. Я был дальше чем в двадцати ярдах и все равно ощутил удар взрывной волны. Повсюду

разлетелась галька осколков, заискрившихся на солнце тысячами радуг. Затем тот, кто бросил гранату, подбежал к правой двери пикапа, а другой, запихнув в кабину паренка, торопливо влез следом за ним. Двери захлопнулись, и паренек оказался зажат на переднем сиденье. Его лицо исказилось от ужаса. Стало белым как полотно. Даже через грязное лобовое стекло я увидел, как его рот раскрылся в немом крике. Водитель включил передачу, взревел двигатель, и пикап, визжа шинами, понесся прямо на меня.

Это была «тойота». Я успел разглядеть на решетке за кенгурятником буквы «ТОУОТА». Подвеска была высокой, и мне был виден большой черный дифференциал переднего моста. Размером с футбольный мяч. Полноприводная машина. Большие широкие шины. Поблекшая, облупившаяся краска; машину не мыли с тех пор, как она покинула завод. Она неслась прямо на меня.

У меня было меньше секунды на размышления.

Откинув полу плаща, я выхватил кольт. Тщательно прицелился и выстрелил в радиатор «тойоты». Большой револьвер с ревом дернулся у меня в руке. Массивная пуля 44-го калибра разнесла радиатор. Я выстрелил второй раз, в левую переднюю шину. Крышка разорвалась в клочья черной резины. Во все стороны разлетелись ярды лопнувшего корда. Пикап пошел юзом и остановился водительской дверью ко мне. В десяти ярдах. Пригнувшись за свой фургон, я захлопнул задние двери, высунулся на тротуар и выстрелил в левую заднюю шину. Тот же результат. Повсюду резина. Накренившись, пикап осел на ободья. Распахнув свою дверь, водитель выскочил на асфальт

и упал на колени. Пистолет у него был не в той руке. Я выждал, чтобы быть уверенным в том, что он действительно целится в меня. Затем схватил левой рукой правое запястье, надежно удерживая четыре фунта кольга, прицелился в центр массы, как меня учили давным-давно, и нажал на спусковой крючок. Грудь нападавшего взорвалась большим кровавым облаком. Тощий паренек сидел в машине, в ужасе уставившись на меня. Но второй тип выскочил из машины и стал обегать капот, наводя на меня оружие. Повернувшись влево, я выждал миг и прицелился ему в грудь. Выстрелил. Тот же результат. Нападавший отлетел спиной на бампер в облаке красного тумана.

Наконец парень зашевелился. Бросившись к нему, я вытащил его из кабины прямо через труп первого нападавшего. Побежал к фургону, увлекая паренюка за собой. От шока и смятения его движения были заторможенными. Запахнув паренюка в кабину, я захлопнул за ним дверь и поспешил за руль. Краем глаза увидел, как ко мне приближается кто-то третий. Засовывает руку в карман. Высокий широкоплечий тип. В темном костюме.

Опустив кольг, я выстрелил. Ярко-алый цветок разорвался у него на груди в тот самый миг, когда я понял, что это ветеран-полицейский из «каприса» и он лез в карман за своим значком. Полицейский значок, золотой щит в потрепанном кожаном футляре, вывалился у него из руки и, ударившись о бордюрный камень, упал на асфальт прямо перед фургоном.

Время застыло.

Я не мог оторвать взгляда от полицейского. Он лежал на спине на обочине. Его грудь превратилась

в сплошное красное месиво. Кровь была повсюду. Грудь не вздымалась и не опускалась. Никаких признаков сердцебиения. На рубашке зияла рваная дыра. Полицейский лежал совершенно неподвижно, повернув голову, вжимаясь щекой в асфальт, широко раскинув руки с синеющими на них прожилками. Я особенно остро прочувствовал черноту полосы асфальта, зелень молодой травы, ослепительную голубизну неба. Сквозь отголоски громких раскатов выстрелов, звеневших в ушах, до меня доходил шелест листвы на ветру. Тот же паренек испуганно посмотрел на распростертого полицейского, затем перевел взгляд на меня. Из ворот колледжа медленно выезжала машина с охранниками. Она ехала гораздо медленнее, чем должна была бы. Как-никак прогремели десятки выстрелов. Быть может, охранники никак не могли решить, стоило ли им вмешиваться в то, что не относилось напрямую к их обязанностям. Быть может, они просто перепугались до смерти. Сквозь лобовое стекло я разглядел их бледные лица. Машина свернула в нашу сторону. Поползла со скоростью миль пятнадцать в час. Прямо на меня. Я взглянул на золотой полицейский значок, сверкающий на асфальте. За долгие годы металл был отполирован до блеска. Взглянул на свой фургон. Не двигаясь с места. Еще давным-давно я накрепко усвоил, что убить человека совсем не трудно. А вот вернуть к жизни абсолютно невозможно.

Машина с охранниками медленно катилась ко мне. Я слышал шелест покрышек по асфальту. Это был единственный звук, нарушавший полную тишину. Время возобновило свой ход, и мой внутренний голос закричал: «Давай, давай, давай!» Повинуясь ему, я вско-

чил в кабину своего фургона, бросил револьвер на среднее сиденье, завел двигатель и сделал такой крутой разворот, что машина поднялась на два колеса. Тощего паренька швырнуло от стены к стене. Выкрутив руль, я надавил на газ и понесся на юг. Вид в зеркало заднего обзора был ограниченным, и все же я разглядел, что охранники из колледжа включили мигалки и помчались следом. Мальчишка не проронил ни звука. Его рот был приоткрыт. Похоже, все его внимание было сосредоточено только на том, чтобы удержаться на сиденье. Все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы ехать как можно быстрее. К счастью, шоссе было почти пустынным. В такой ранний час городок Новой Англии еще не проснулся. Разогнав фургон до семидесяти миль в час, я стиснул рулевое колесо с такой силой, что побелели костяшки пальцев, и уставился на дорогу перед собой, как будто не хотел видеть то, что происходит у меня за спиной.

— Далеко они? — спросил я паренька.

Он молчал. Не пришедший в себя от шока, мальчишка забился в угол, словно стараясь как можно больше отдалиться от меня. Уставившись в потолок, он вцепился правой рукой в дверь. Бледная кожа, длинные пальцы.

— Они далеко от нас? — повторил я.

Двигатель ревел на пределе.

— Вы убили полицейского, — наконец сказал мальчишка. — Ведь тот пожилой мужчина был полицейским, вы знаете?

— Знаю.

— Вы его убили.

— Случайно, — сказал я. — Сильно ли они отстали?

— Он показывал свой значок.

— *Сильно ли они отстали?*

Зашевелившись, паренек обернулся и отвел голову, чтобы заглянуть в крошечное зеркало заднего вида.

— Футов на сто, — сказал он. В его голосе прозвучал неприкрытый страх. — Они совсем близко. Один из них высунулся из окна с пистолетом.

Тотчас же послышался отдаленный хлопок выстрела, перекрывший рев двигателя и визг покрышек. Я взял с соседнего сиденья кольт. И тут же снова отбросил его. Револьвер был разряжен. Я уже сделал шесть выстрелов. Один в радиатор, два в колеса, два в плохих парней. И один в полицейского.

— Бардачок, — приказал я.

— Вы должны остановиться, — сказал парнишка. — И все объяснить. Вы помогли мне. Произошла трагическая ошибка.

Он смотрел не на меня. В заднее окно.

— Я убил фараона, — сказал я, пытаюсь говорить как можно спокойнее. — Это все, что им известно. Это все, что они хотят знать. Им наплевать, как и почему это случилось.

Мальчишка промолчал.

— Бардачок, — повторил я.

Обернувшись, он дрожащей рукой открыл ящичек. Там лежала еще одна «анаконда». Абсолютно такая же. Сверкающая нержавеющей сталь, полностью заряженный барабан. Я взял револьвер у мальчишки. До конца опустил стекло в своей двери. В кабину ураганом ворвался холодный воздух, донесший сзади звуки выстрелов, размеренных и частых.

— Проклятье! — выругался я.

Мальчишка молчал. Выстрелы продолжались, громкие и настойчивые. *Как можно мазать с такого расстояния?*

Я сдвинулся в сторону, упершись левым плечом в дверь, и выкрутил правую руку так, чтобы высунуть новый револьвер в окно и повернуть его назад. Сделал один выстрел. В ужасе посмотрев на меня, мальчишка сполз на пол между сиденьем и приборной панелью и обхватил голову руками. Через мгновение в десяти футах за ним взорвалось заднее стекло.

— Проклятье! — снова выругался я.

Свернул ближе к обочине, чтобы улучшить угол обстрела. Выстрелил еще раз.

— Мне нужно, чтобы ты следил за ними, — сказал я. — Держись как можно ниже.

Мальчишка не двинулся с места.

— Поднимайся! — рявкнул я. — Живо! Мне нужно, чтобы ты следил за ними.

Чуть приподнявшись, мальчишка обернулся, оглядываясь назад. Его взгляд задержался на разбитом заднем стекле. Он понял, что его голова находилась как раз напротив того места, куда попала пуля.

— Сейчас я чуть сбавлю скорость, — сказал я. — Прижмись к обочине, чтобы они меня обогнали.

— Не надо, — взмолился паренек. — Вы еще можете все объяснить.

Я пропустил его слова мимо ушей. Сбросил скорость до пятидесяти и вильнул вправо, и машина с охранниками, непроизвольно дернувшись влево, поравнялась с нами. Я выпустил в нее три оставшиеся пули. Лобовое стекло разлетелось вдребезги. Машину занесло и развернуло поперек дороги — я попал или в водите-

ля, или в колесо. Пробив капотом полоску кустов, она скатилась с обочины и скрылась из виду. Бросив разряженный револьвер на сиденье рядом с собой, я поднял стекло и снова нажал на газ. Паренек молчал, уставившись назад. В разбитое стекло с жутким воем засасывало воздух.

— Вот и отлично, — сказал я, пытаясь отдышаться. — Теперь можем ехать спокойно.

Мальчишка повернулся ко мне лицом:

— Вы сошли с ума?

— Ты знаешь, что бывает с теми, кто убивает полицейских? — ответил я вопросом на вопрос.

На это у него не было ответа. Мы ехали молча секунд тридцать, больше полумили, усиленно моргая, тяжело дыша, уставившись прямо перед собой словно зачарованные. В салоне воняло пороховой гарью.

— Произошел несчастный случай, — снова заговорил я. — Беднягу уже не вернешь. Надо свыкнуться с этим.

— Кто вы такой? — спросил мальчишка.

— Нет, это *ты* кто такой? — спросил я.

Он умолк, учащенно дыша. Я взглянул в зеркало. Дорога за нами была совершенно пустынной. И впереди совершенно пустынной. Ни одного населенного пункта поблизости. Минут десять до развилки с автострадой.

— Я объект насильственного задержания.

Было очень странно слышать эту официальную фразу из его уст.

— Меня пытались похитить, — продолжал мальчишка.

— Ты думаешь?

Он кивнул:

— Такое уже случилось.

— Почему?

— Из-за денег, — усмехнулся он. — Разве могут быть другие причины?

— Ты богат?

— Мой отец богат.

— Кто он?

— Так, человек.

— Богатый человек, — уточнил я.

— Он импортирует ковры.

— Ковры? — переспросил я. — Обычные ковры?

— Восточные ковры.

— А что, можно разбогатеть, импортируя восточные ковры?

— И еще как, — подтвердил мальчишка.

— А имя у тебя есть?

— Ричард. Ричард Бек.

Я снова взглянул в зеркало заднего вида. Дорога за нами по-прежнему оставалась пустынной. И впереди по-прежнему тоже никого. Чуть сбросив скорость, я выехал на середину полосы, стараясь вести машину как нормальный человек.

— А это что были за типы? — спросил я.

Ричард Бек покачал головой:

— Понятия не имею.

— Они знали, где тебя ждать. И когда.

— Я должен был ехать домой на празднование дня рождения матери. Оно состоится завтра.

— Кто мог об этом знать?

— Не знаю. Все, кто знаком с моей семьей. Наверное, все, кто торгует коврами. У нас тесный круг.

— Вы все знакомы друг с другом? Торговцы коврами?

— Мы конкуренты. Одни источники, один рынок. Разумеется, мы знакомы друг с другом.

Я молчал. Ехал вперед, шестьдесят миль в час.

— А у вас имя есть? — наконец спросил мальчишка.

— Нет, — ответил я.

Он кивнул. Умница, все понял.

— Что вы собираетесь делать дальше? — спросил Ричард Бек.

— Высажу тебя неподалеку от автострады. Попросишь кого-нибудь подбросить или вызовешь такси и побыстрее забудешь обо мне.

Мальчишка молчал.

— Полиции я тебя передать не могу, — продолжал я. — Об этом не может быть и речи. Ты ведь все понимаешь, так? Я убил одного из них. Возможно, троих. У тебя на глазах.

Мальчишка молчал. *Пора принимать решение.* До автострады осталось шесть минут.

— Меня никто и слушать не будет, — снова заговорил я. — Произошел несчастный случай, я виноват, но меня никто и слушать не будет. Полиция в таких случаях никого не слушает. Так что не проси подвезти тебя к полицейскому участку. Я не свидетель, я никто. Меня здесь нет и никогда не было. Тут все ясно?

Он по-прежнему молчал.

— И не описывай мою внешность, — продолжал я. — Скажешь, что совсем меня не запомнил. Скажешь, что был в шоке. В противном случае я тебя из-под земли достану.

Он молчал.

— Я тебя где-нибудь высажу, — сказал я. — И мы сделаем вид, что никогда друг друга не видели.

Наконец он зашевелился. Развернулся и посмотрел мне в лицо.

— Отвезите меня домой. До самого дома. Мы вам заплатим. Поможем выкрутиться. Если хотите, спрячем вас. Мои родные будут вам признательны. Я вам *очень* признателен. Поверьте. Вы меня спасли. А тот полицейский — это ведь был несчастный случай, так? Просто несчастный случай. Вам не повезло. Вы действовали в чрезвычайных обстоятельствах. Я все понимаю. Мы будем молчать.

— Мне не нужна ваша помощь, — сказал я. — Я хочу лишь поскорее отделаться от тебя.

— Но я должен попасть домой, — настаивал парень. — Так мы поможем друг другу.

До автострады оставалось четыре минуты.

— Где ты живешь? — спросил я.

— В Эбботе.

— Эббот — это где?

— Эббот, штат Мэн, — пояснил он. — На побережье. Между Кеннебанком и Портлендом.

— Мы едем в противоположном направлении.

— Можно будет повернуть на север на автостраде.

— До твоего дома минимум двести миль.

— Мы вам заплатим. Вы не пожалеете.

— Я могу посадить тебя где-нибудь рядом с Бостоном, — сказал я. — Оттуда до Портленда ходят автобусы.

Парень лихорадочно затряс головой, словно с ним случился приступ.